

дружбы. Новые отрицательные черты из жизни нашего высшего монашества, подмеченные Максимом Греком, находят себе соответствие в других обличительных памятниках XVI в., каковы «Беседа Валаамских чудотворцев», так называемое «Слово к верным» и сочинения митрополита Даниила.

Вдохновенное и красноречивое произведение Максима Грека, написанное по поводу тверского пожара 1537 г., в форме ответа господа на вопросы тверского епископа о причине божьего гнева, постигшего Тверь, представляет собою не что иное, как драматизированное обличение белого духовенства. Названное «слово» напоминает собою те «слова», с какими Максим Грек обращался к монашеству. И здесь вопрос ставится в перспективе духовного понимания заветов Христа и во всей его общественной остроте. На первом плане стоит мысль о высоте пастырского служения, о долге пастыря по отношению к обществу, и в свете ее раскрывается целый ряд отрицательных явлений: достижение недостойными людьми священнического сана по мзде; оскудение учительного слова, различные злоупотребления, прикрывающиеся внешним благочестием: роскошные пиршества в дни праздников, соединенные с пьянством, светскими увеселениями, ссорами и бесчинством; лихвенное притеснение бедных, захват доходов с церковного имущества, предназначенных для милостыни нищим и убогим, страсть к украшениям. Картина, нарисованная Максимом Греком, получает свое фактическое подтверждение и в сочинениях митрополита Даниила и гораздо позднее в постановлениях Стоглава.

Несмотря на горячие обличения монашества и духовенства, мысль о принудительной секуляризации монастырских и церковных вотчин была чужда Максиму Греку. По отношению к монастырскому укладу он был сторонником не внешних воздействий на монастырь, но внутреннего обновления монастырской жизни путем нравственного возрождения самих иноков. В вопросе же о владениях мирских церквей он допускал вмешательство и светской власти, но лишь в целях такой организации церковных имуществ, при которой доходы с них действительно шли бы на нищих и убогих.

Фактическое отношение Максима Грека к предпринятым в середине XVI века реформам монастырской и церковной жизни понималось прежними исследователями как непосредственное влияние писателя или на царя Ивана, или на Стоглав (1551 г.). Однако внимательное сопоставление так называемых «царских» вопросов с взглядами Максима приводит к выводу, что непосредственного влияния здесь не было. Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было